

10.31862/2500-2953-2018-3-39-48

И.В. Софронова

Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова,
428015 г. Чебоксары, Российская Федерация

Поэтические особенности четверостиший в литературе народов Поволжья

Статья посвящена исследованию особенностей жанра рубаи в литературе народов Поволжья. Предметом анализа послужили стихотворения татарского поэта Р. Файзуллина и чувашского поэта В. Эндипа. Оба автора сочетают традиции восточной поэзии с особенностями национальной литературы и фольклора. Сходство между поэтиками этих авторов является следствием их увлечения традициями арабской и японской поэзии.

Ключевые слова: литература народов Поволжья, Р. Файзуллин, В. Эндип, рубаи, традиции японской поэзии.

10.31862/2500-2953-2018-3-39-48

I.V. Sofronova

I.N. Ulyanov Chuvash State University,
Cheboksary, 428015, Russian Federation

Poetic features of the quatrains in the literature of the peoples of the Volga region

The article is devoted to the particulars of the poetic genre of ruba'i in literatures of the Volga region. The subject of an analysis are the poems of the Tatar poet R. Fayzullin, and the Chuvash poet V. Endip. Both authors combine the traditions of Eastern poetry and those of their national literatures and folklore. A similarity between the poetics of both authors is predetermined by their interest in the traditions of Arabic and Japanese poetry.

Key words: literatures of the Volga region, R. Faizullin, V. Endip, ruba'i, traditions of Japanese poetry.

В литературах народов Поволжья в определенные периоды развития широкое распространение получил жанр восточной литературы рубаи, четверостишия философского характера. Он особенно характерен для чувашской, татарской, башкирской поэзии. На его распространение могло повлиять наличие подобного жанра в песенном фольклоре, а также влияние традиций восточной литературы.

Перевод стихотворений О. Хайяма способствовал зарождению интереса к данному жанру в чувашской поэзии 1930-х гг. Поэты И. Ивник, П. Хузангай знакомятся непосредственно с творчеством восточного автора, переводят его рубаи, пишут, подражая ему, оригинальные четверостишия.

Татарские поэты М. Гафури, Ш. Бабич, С. Кудаш, С. Бикбай в период поиска новых поэтических форм используют классический жанр, перделывают его на новый лад.

Обращение к жанру рубаи татарскими поэтами объясняется традициями фольклора и мусульманской литературы, на которых была основана татарская литература дооктябрьского периода.

В 1970–1990-х гг. наблюдается возрастание интереса поэтов Поволжья к четверостишиям. Рубаи чувашских поэтов Б. Борлена, М. Сениэля, П. Львова, А. Николаева-Кюльвара, А. Емельянова, А. Ыхра и других соответствуют по форме и содержанию традициям восточного жанра. «Авторы в четверостишиях выражают мировоззрение чувашского народа, затрагивают вечные проблемы бытия. В то же время стихотворения М. Карягиной, Ю. Семендера, Ф. Муратова, Н. Кушманова, А. Эхеля, С. Азамат навеяны традициями чувашского песенного фольклора: частушек, банных такмаков, краткосюжетных песен» [Софронова, 2011, с. 194].

Распространение философского жанра в литературах тюркоязычных народов оказывает влияние на литературу финно-угров. Лаконичные по содержанию краткостишия марийского поэта В. Регеж-Горохова литературоведы называют рубаи. Увлечение поэта жанром восточной литературы отражает его поиски путей самовыражения, художественного идеала. В калмыцкой литературе рубаи характерен для творчества Д. Кугультинова.

Поэты начала XX в. старались строго придерживаться традиций рубаи, современные же авторы не слепо копируют восточных классиков,

а привносят особенности народной поэтики, сочетают восточные традиции со своеобразием родной литературы. Трансформацию традиций рубаи наблюдаем в творчестве авторов Поволжья: чувашского В. Эндипа и татарского Р. Файзуллина.

В. Эндип в начале своего творчества тяготеет к эпическим формам. Он слагает поэмы, большие по объему стихотворения, через многословность выражает непростые взаимоотношения лирического героя с окружающим миром. Переход к краткости, философичности в творчестве В. Эндипа связан с увлечением восточной литературой, переводом восточной классики, возможно, присутствует и влияние возрастного фактора.

Р. Файзуллин является автором ряда поэм, циклов стихотворений. В конце 1980-х гг. поэт приходит к кратким формам. Обращение Р. Файзуллина к краткости связано с литературным опытом, журналистской деятельностью. Если В. Эндип отдает предпочтение дву- и четверостишиям, то у Р. Файзуллина немало и трех-, и восьмистиший.

При проведении литературоведческого анализа рубаи у обоих поэтов обнаруживается некоторое сходство: четверостишие для них – это не всегда индоиранские рубаи с особым порядком рифмы, изложения смысла. Поэты используют традиционное количество строк, выражение философского смысла, минимализм в словах. Новшеством в их краткости является сочетание традиций рубаи с особенностями японской поэзии. Это проявляется в использовании четверостишия, выражении в них философского смысла и изображении жизни природы. Стихотворения зачастую напоминают пейзажные зарисовки, моменты из повседневной жизни, они демонстрируют единство противоположных понятий и явлений. Вместе с особенностями японских краткостиший в их стихотворениях прослеживается и философия дзен-буддизма. Кроме того, поэты экспериментирует с порядком расположения строк.

Цикл стихотворений «Вутра сунман йёркесем» («Строки, не сгоревшие в огне») В. Эндипа напечатан в книге «Самана» («Веки века», 1987). В ней представлены четверостишия. Краткостишия Р. Файзуллина опубликованы в сборнике «Вечность мгновения» (2012).

Сходным для творчества обоих авторов является то, что в рубаи композиция служит для передачи философского смысла. Поэты затрагивают вечные проблемы бытия: жизнь и смерть, доброе имя, чистота и искренность желаний и т.д.

*Вёссёр пурнăсра пёртен пёр чанлăх
Пурнăс хай пуй; вилём ун мёлки?
Вилёмрен вара сынсем сес сълёс
Пурнăсра сӑпла тёнче йёрки.*

[Эндип, 1987, с. 179]

*В бесконечности единственная истина –
Сама жизнь, смерть – это ее тень?
От смерти уберечь способны только люди.
В жизни таковы законы бытия¹.*

В стихотворении наряду с символами вечности (*жизнь, смерть, вселенная*), упоминается обычный смертный человек – противоположные понятия. Выражение *От смерти уберечь способны только люди* можно растолковать и как вовремя оказанная медицинская помощь, и как то, что доброе имя и дела твои будут жить в памяти тех, кто будет помнить тебя. Подобные четверостишия можно характеризовать как философские миниатюры. В них автор задумывается о бесконечности бытия, определяет абстрактные понятия, говорит о них как о конкретных вещах.

Р. Файзуллин также через разговор о маленьких деталях, предметах передает размышление над глобальными проблемами.

*Ике хэзинэ дөнъяда: саклагыз!
Каберстан аның берсе. Гел галдэ булсын!
Китабханэ – икенчесе. Куңелдэ булсын!
Базар болай да калыр...*

[Файзуллин, 2012, с. 21]

*Два клада драгоценных сохрани! –
Кладбище предков и собрание книг!
Живи, святые ценности любя!
Базар не пропадет и без тебя...*

(Перевод В. Баширова)

В четверостишиях В. Эндип и Р. Файзуллин изображают рисунки природы, и как в японских танка или хокку, передают через них душевное состояние лирического героя:

*Кёрхи юмах тёнчи-и ку е чан-и:
Сўхе кёписене хыва-хыва,
хуралнй хурӑнсем пус хёрлэ чӑмнӑ
текех никам пӑтратаймй шыва.*

[Эндип, 1987, с. 189]

¹ Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, перевод наш. – И.С.

*Это осенняя сказка или же реальность:
Сняв свои тонкие платья,
грязные березы окунулись
в воду, которую никто не замутит.*

В стихотворении описывается осенний пруд. Перед глазами предстают березы, растущие вокруг пруда и их отражение в воде – реальность и ее зеркальное отражение. Березы, которые поэты чаще всего используют с эпитетами *белые, чистые*, названы *грязными*. Строка *в воду, которую никто не замутит* показывает переход временных явлений жизни в разряд вечных. Осень, грязные березы в стихотворении символизируют трудные моменты в судьбе лирического героя. Около чистого, осеннего пруда он очищает душу, как *грязные березы* свою одежду, находит успокоение.

В четверостишиях, помимо простого рисунка природы, проявляется и философия дзен-буддизма – противопоставление красот и шумов мира тайнам тишины или же хаоса пустоте. Для объяснения своеобразия этих традиций А. Хузангай приводит размышление художника и поэта, дзенского монаха Хакуин Осё (1685–1786): «Мы знаем звук хлопка от двух ладоней, но как звучит хлопок одной ладони? Эта загадка-коан интерпретируется иногда в том смысле, что все слышимые и видимые в своем существовании равно непознаваемо, как и отсутствие, ничто» [Хузангай, 1987, с. 87].

У В. Эндипа сочетание *березы окунулись* является демонстрацией особенностей восточной философии. У Р. Файзуллина также наблюдаем противопоставление обыденной жизни пустоте:

*Ага суда төз бер нарат
Салдан аерылганмы?*

*...Нарат ускән төптә ята
аккош каурыйлары*

[Файзуллин, 2012, с. 19]

*Молодую стройную сосну
По теченью пронесло бескрыло.*

*...На ее пенке, в ее лесу
Два лебяжьих перышка застыло.*

(Перевод М. Аввакумовой)

В стихотворении сочетания *сосна – пронесло, пенек – два лебяжьих перышка* противопоставлены друг другу. Наблюдается противопоставление наличия сосны и его отсутствия. Вместо него на пенке остались

только два лебяжьих перышка. Предметы легкие по сравнению с деревом. Так же с уходом человека остается лишь память о нем.

В четверостишиях смысл передается через контраст. У В. Эндипа они объединяют категории правды и лжи, доброго и нехорошего человека, мужчины и женщины, дружбы и вражды, жизни и смерти, добра и зла, человека и природы, молодости и старости, прошлого и будущего в одно единое. Р. Файзуллин рисует единство верхнего и нижнего пространства, многословности и безмолвия, родины и чужбины, признания и одиночества, света и тьмы, встречи и расставания. Нельзя утверждать, что они категорически контрастны между собой. Наоборот, они демонстрируют наличие гармонии явлений в природе, человеческой жизни. Противоположенные понятия в стихотворениях размещаются в двустишиях. В таких случаях поэты разделяют четверостишие на два двустишия. При этом каждое двустишие может содержать в себе частицу противоположного, создавая при этом рисунок, напоминающий единство инь и ян.

*Әйттең: «Рәхмәт! Нинди хозур!
Нинди бәхет бу яшәү!».*

*Ә ник тамды балдагыңа
Ике бәрдек куз яше?*

[Файзуллин, 2012, с. 45]

*– Чудесно! Все в жизни чудесно!
Я счастлива... – ты говорила.*

*Но видел я: ты на колечко
Две первых слезы уронила.*

Первое двустишие выражает радость, второе – печаль. В понятие «печаль» вкраплено понятие «радость», оно передается через слово *колечко*. В данном случае двустишия являются как бы зеркальным отражением друг друга.

*Сёнксе лараттәм эп шыв хёрринче.
Чәрлаттаратчә шәрчәк – вәл та тарчә.
Үңре найлатрә: ларчә – тәрәнтарчә
Шёп-шөвөр сәннине... Вёрсе тартасчә –
Пёччен юлма хәрәтәп сәр сине...*

[Эндип, 1987, с. 150]

*Сидел без дела я на берегу.
Скрипел кузнечик – перестал.
Комар пищал, сел и воткнул
Свой хоботок... Эх, сдунуть бы его –
Боюсь один остаться на земле...*

Одинокому лирическому герою дороги и кузнечик, издающий пустые звуки, и кровопийца комар. Кузнечик и комар, маленькие детали на фоне природы, символизируют пустых и никчемных людей. Оказывается, мир без них тоже может опустеть, и такие люди нужны для вселенной. В. Эндип называет их *айван* (слабыми), *ухмах* (глупыми) людьми. В стихотворениях нередко образы *свиньи*, *ворона* олицетворяют таких людей. Рядом с ними всегда изображается или подразумевается добрый и бескорыстный человек.

Влияние традиций японской поэзии в творчестве обоих авторов проявляется в сочетании словесного рисунка с цветовой гаммой. Символическое значение цвета совпадает с народными представлениями. Чаще всего добрые светлые понятия ассоциируются с *белым*, *красным*, *синим* цветами.

*Курче, Кояш нурын ташып,
Карлыгач оя кора!*

*...Офыкта аны тузгытырга
зилзилэ болыт тора*

[Файзуллин, 2012, с. 23]

*Взгляни, вьет ласточка
Гнездо из солнечных лучей!*

*...И черной кошкой подползает
Губительная тучка к ней.*

(Перевод А. Руденко)

Четверостишия поэтов отличает игра слов, использование их многозначности. Активно используются омонимы и омоформы:

*Пуртан сук тунй чух чукмар
Сукран нур тавакан сук мар.*

[Эндип, 1987, с. 94]

*Когда дубинка превращает то,
что есть, в ничто,
Есть люди, которые из ничего
делают все.*

Стихотворение строится на игре контрастных слов *нур* ('есть') и *сук* ('нет'). Когда дубинка, т.е. время, превращает то, что есть, в ничто, находятся люди, которые готовы поживиться на этом, сделать себе выгоду. Также архаизмы и диалектизмы расширяют художественное пространство лирического произведения, приносят оттенок национального своеобразия.

В русских переводах четверостиший Р. Файзуллина также наблюдаем использование однокоренных слов:

*Сарыкларны санаганда
төгәл килеп чыгучан.
Халыкларны санаганда
хәлләп килеп чыгучан!*

[Файзуллин, 2012, с. 25]

*Поголовье сосчитают –
Точный сделают подсчет.
Поголовно сосчитают –
Обязательно просчет.*

(Перевод В. Хамидуллиной)

Однокоренные слова *поголовье* – *поголовно*, *сосчитают* – *подсчет*, *сосчитают* – *просчет* нужны для того, чтобы продемонстрировать, как одно понятие может легко перейти в противоположное.

В отличие от В. Эндипа, в творчестве Р. Файзуллина немало стихотворений, соответствующих по форме и содержанию традициям индо-иранского рубаи. Поэт использует устоявшиеся мотивы вина, бренности человеческого бытия, восхваления любви. В четверостишиях он не призывает любить, а рассказывает о своем чистом и большом чувстве к дорогому человеку. Описывая внешность возлюбленной, лирический герой обращает внимание на богатство ее души, трудолюбие, стойкость. Он осуждает людской мир за распространение плохих качеств, таких, как зависть, обман, ложь, радуется развитию культуры малых народов.

В. Эндип, подобно Рудаки, в четверостишии размещает драматичный сюжет, который достоин произведения большого плана.

*– Кәймәлләтәп, – терё.
– Ватә! – терён.
Эс – вунҗиччёрә. Вәл – җирёмре.
– Кёт! – ал сулчә... Хёрәх сул кётетён.
Эс – җураҗнә хёр. Вәл – җирёмре*

[Эндип, 1987, с. 170]

*– Нравишься, – сказал.
Сказала: – Староват.
Тебе – семнадцать. Ему – двадцать.
– Жди! – сказал, махнув рукой. Сорок лет уж.
Ты – невеста. Ему – всё двадцать.*

В стихотворении использованы короткие диалоги, слова автора. Именные предложения передают диалог молодых людей, их трагическую судьбу. Девушка ведет себя легкомысленно, отвергает дружбу

молодого человека. Тот, вероятнее всего, уходит в армию и просит дожидаться, но погибает. Девушка вот уже 40 лет живет в ожидании. В стихотворении не последняя роль отводится знакам препинания. Тире, восклицательные знаки, многоточие передают вспышки чувств, течение времени и превратности судьбы. Стихотворение строится на контрастах: девушка – парень, молодая – старый, ушел – не вернулся, старая – молодой. Если в начале девушка называет себя молодой, то в конце получается, что она состарилась, а молодой человек навсегда останется в памяти двадцатилетним юношей.

Таким образом, проведенный анализ показал, что в четверостишиях В. Эндипа и Р. Файзуллина наблюдается использование японских и среднеазиатских поэтических традиций. Это проявляется в четверостишиях, описывающих явления природы, повседневной жизни, изображении маленьких деталей, явлений, соединении воедино противоположных понятий. В то же время, авторы соблюдают традиционные для восточного жанра особенности: у Р. Файзуллина это мотивы вина, бренности человеческого бытия, восхваления любви, у В. Эндипа это описание сюжета, характерного для повестей, романов.

Сравнение произведений двух авторов позволяет нам сказать, что в литературах разных народов сходства проявляются в результате увлечения авторов одними и теми же литературными традициями. В данном случае среднеазиатской и японской поэзией. При заимствовании не всегда происходит слепое копирование, поэты сочетают восточный жанр с особенностями родного фольклора, литературы. Заимствуются жанры и традиции, которые близки мировоззрению поэтов, при этом они предполагают наличие соответствующих особенностей в своей литературе.

Библиографический список / References

Софронова, 2011 – Софронова И.В. Восточные традиции в чувашской лирике // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. 2011. № 3-1. С. 193–196. [Sofronova I.V. The Eastern tradition in the Chuvash lyrics. *Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I.Ja. Jakovleva*. 2011. No 3–1. Pp. 193–196.]

Софронова, 2017 – Софронова И.В. Сементерён рубаисенчи чăваш тѣнчи палăрни [Отображение чувашского мира в рубаях Ю. Сементера] // Национальные языки и литературы в поликультурных условиях: сб. ст. Чебоксары, 2017. Ч. 2. С. 135–139. [Sofronova I.V. Displaying Chuvash world in U. Sementers rubaiyat. *Nacional'nye jazyki i literatury v polikul'turnyh uslovijah*. Cheboksary, 2017. Vol. 2. P. 135–139.]

Файзуллин, 2012 – Файзуллин Р.Г. Мәңгелек мизгел: шигырьлер = Вечность мгновения: стихотворения. Казань, 2012. [Fəjzullin R.G. Vechnost' mgnovenija [Forever now]. Poems. Kazan, 2012.]

Хузангай, 1987 – Хузангай А.П. Поиск слова: литературно-критические статьи. Чебоксары, 1987. [Huzangaj A.P. Poisk slova: literaturno-kriticheskie stat'i [Word search: literary-critical articles]. Cheboksary, 1987.]

Эндип, 1987 – Эндип В. Самана = Вехи века: Стихотворения, поэмы. Чебоксары, 1987. [Endip V. Samana = Vexi veka [Milestones of the century]. Poems. Cheboksary, 1987.]

Статья поступила в редакцию 6.12.2017

The article was received on 6.12.2017

Софронова Ирина Владимировна – кандидат филологических наук; доцент кафедры чувашской филологии и культуры, Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова, Чебоксары

Sofronova Irina V. – PhD in Philology; associate professor at the Department of Chuvash Philology and Culture, I.N. Ulyanov Chuvash State University, Cheboksary

E-mail: muxtar2@yandex.ru